

Цзянь Хуай неспешно прогуливался по улице, время от времени бросая мимолетные взгляды через плечо. Слежка велась осторожно, почти незаметно, но он отчетливо видел несколько теней, следовавших за ним на почтительном расстоянии. Он знал — это люди Цзяи, но от осознания этого на душе все равно становилось муторно.

В этот самый момент перед глазами, словно из ниоткуда, выскочило окно выбора.

Мир вокруг мгновенно замер. Шум толпы стих, прохожие застыли на месте, превратившись в безжизненных марионеток.

[Госпожа Лилиан передала любимому сыну записку с именами тех, кому Кеннет доверял больше всего. На Восточных Землях вы не знаете ни души и до сих пор полагались лишь на защиту Цзяи. Теперь у вас есть адрес доверенного лица, но ищейки Цзяи следуют за вами по пятам.]

[Дорогой Цзянь Хуай, что вы выберете?...]

[Вариант выбора 1: Позволить людям Цзяи и дальше следовать за вами]

[Вариант выбора 2: Отправиться на встречу в одиночку]

И Цзяи, и тот таинственный незнакомец были людьми, которым Кеннет доверил бы свою жизнь. Однако положение человека, у которого нет ни единого секрета, становилось невыносимым. Цзянь Хуай не то чтобы не доверял Цзяи, но эта ежесекундная близость душила его.

Даже став куда ближе, в глазах Цзянь Хуая Цзяи оставался лишь немногим лучше незнакомца. В конечном счете одиночество дарило ему покой, а неразрывная связь с кем-либо была лишь тяжким бременем.

Цзянь Хуай свернул в ближайшую лавку, торговавшую одеждой Восточных Земель. Вспомнив, что местные жители питают слабость к белому цвету, он выбрал длинное одеяние лунно-белого оттенка и скрылся в примерочной.

Когда он вышел из лавки, тени, преследовавшие его, исчезли. Он знал: это правила мира помогли ему исполнить выбранный вариант.

Он медленно побрел дальше, пока не оказался перед «Лувандэ». Ряд величественных зданий, соединенных в единый ансамбль, резко выделялся на фоне остальных лавок, выглядя куда роскошнее и статуснее.

Цзянь Хуай поднял голову, взглянул на ярко сияющее солнце и внезапно тяжело вздохнул.

Сказать по правде, он чувствовал смертельную усталость. Он не знал, что ему делать; в этом мире он всегда чувствовал себя чужаком. Но он не знал и того, откуда пришел и куда должен идти. словно перекасти-поле, подхваченное течением великой реки бытия. Без радости, без печали, без страха и без тревог он прожил эти тысячи дней и ночей.

Он часто смотрел на солнце, на луну, всматривался в даль, не понимая, как найти себе место.

Цзянь Хуай положил руку на грудь, коснувшись кулона на цепочке. Того самого, что в последний раз передала ему госпожа Лилиан — с семейной фотографией внутри.

Сколько бы нереальности ни окружало его, любовь Кеннета и Лилиан была подлинной. Они отдали всё, лишь бы вымолить для него право на жизнь, на счастливый путь. Разве мог он теперь сойти с этого пути, просто исчезнув из этого мира?

Золотые ворота «Лувандэ» были украшены резьбой в виде драконов и фениксов, чьи глаза, инкрустированные цветным стеклом, ослепительно сверкали. Вышколенные слуги в безупречных одеждах учтиво принимали нескончаемый поток посетителей.

Стоило Цзянь Хуаю ступить на ступени, как к нему поспешил молодой помощник.

— Сударь, добро пожаловать в «Лувандэ». Чем я могу вам помочь?

Его провели внутрь. На витринах были выставлены табачки со всех концов континента, от разнообразия которых рябило в глазах.

— Найдется ли у вас табак «Юньси», названный в честь Алекса? — негромко спросил он.

Алекс — имя Кеннета. С тех пор как он стал главой семьи, его редко называли по имени, обращаясь почтительно — «господин Кеннет».

Слуга в замешательстве моргнул.

— В «Лувандэ» никогда не слышали о подобном сорте.

— Возможно, вам стоит спросить у управляющего. Быть может, он в курсе.

Слуга поклонился и удалился.

Спустя некоторое время к нему вышел приземистый, плотный мужчина средних лет.

— Прошу прощения, сударь, не могли бы вы назвать свое имя? — спросил он, сложив руки в

приветственном жесте.

— Нил Кеннет.

Мужчина отвесил глубокий поклон и, сделав приглашающий жест рукой, произнес:

— Прошу вас, пройдите внутрь, чтобы насладиться курением.

Цзянь Хуай следовал за ним через анфиладу комнат — закрытых залов, где почетные гости предавались отдыху. В узких коридорах витал едва уловимый, густой и изысканный аромат табачного дыма.

В самой глубине поместья, в полумраке, стоял мужчина. На мгновение Цзянь Хуаю показалось, что перед ним — сам Кеннет.

Но наваждение быстро рассеялось. Кеннет никогда не смотрел на него с такой ледяной пронзительностью.

Мужчина едва заметно повел рукой. Цзянь Хуай услышал, как управляющий удалился — на удивление легкой для своего веса поступью. Когда он обернулся, коридор уже поглотила тень.

— Ты все же пришел, Нил Кеннет.

Мужчина стоял в глубине комнаты. Длинные черные волосы ниспадали на спину. Его черное одеяние украшала вышивка в виде неведомого зверя, похожего на тигра, но с крыльями. Существо взирало с ткани кроваво-красными очами, словно готовое сорваться и растерзать любого, кто окажется рядом. Мужчина смотрел с ледяной пронзительностью.

Он слегка склонил голову набок, пронзая Цзянь Хуая ледяным взглядом. Затем протянул правую руку, поманил его указательным пальцем, на котором тускло мерцал перстень с изумрудом.

— Подойди, племянник. Я твой дядя, Алекс Кеннет.

Голос прозвучал ровно, без тени эмоций.

***

Алекс коснулся ладонью львиной головы на стене и с силой повернул её. Позади Цзянь Хуая с грохотом опустилась потайная дверь, отрезав путь к коридору, а стена рядом с Алексом сдвинулась, открывая зев глубокой лестницы.

Он взял стоявший рядом фонарь.

— Иди за мной, — бросил он и, не оборачиваясь, начал спуск, не заботясь о том, следует ли за ним гость.

Цзянь Хуай последовал за ним в сырую, душную темноту, где единственным ориентиром был дрожащий свет в руке Алекса. Шаги мужчины гулко отдавались в мертвой тишине. Цзянь Хуай не видел его лица, но кожей чувствовал исходящий от него холод.

И все же это был человек, которому его отец доверял безраздельно. Цзянь Хуай не проронил ни слова, безмолвной тенью следуя за проводником.

Наконец мрак расступился. Они вышли в просторный подвал, залитый теплым, ярким светом ламп. Алекс повесил фонарь на стену, по-хозяйски опустился в широкое кресло и сложил руки на коленях.

— Я ждал тебя с того самого дня, как он оказался за решеткой. Он ведь должен был что-то оставить?

— Кулон и записку, — ответил Цзянь Хуай.

— Покажи.

Цзянь Хуай снял цепочку и протянул её мужчине. Алекс взял её одной рукой.

— Какое убожество, — бесстрастно бросил он, брезгливо разглядывая вещицу.

Он открыл медальон и долго всматривался в фотографию, медленно проводя по ней подушечкой пальца.

— Он всегда был слишком мягким, — внезапно прошептал Алекс. — Видимо, он очень любил тебя и твою мать?

Ответа он не ждал. С сухим щелчком медальон закрылся, вновь пряча маленькое фото за фигуркой ангела.

— Внутри должен быть ключ, верно? — Алекс поднял глаза на Цзянь Хуая и небрежно бросил ему кулон обратно.

— Да.

Цзянь Хуай поймал украшение и снова надел на шею. Крохотный ключ он предусмотрительно вынул и спрятал в другом месте еще давным-давно.

Алекс криво усмехнулся.

— А ты осторожен. Не бойся, я не посягну на те жалкие крохи, что он тебе оставил. — Он едва заметно и горько улыбнулся. — Не знаю, стоишь ли ты той боли и усилий, что он в тебя вложил. Но для меня это не имеет значения. Мой долг — передать тебе то, что я хранил. А дальше — будешь ты жить или сдохнешь, меня не касается.

***

Когда Цзянь Хуай открыл дверь своей комнаты, он увидел нескольких мужчин, стоявших на коленях. Цзяи с налитыми кровью глазами мгновенно вскинул голову. Он смотрел с почти звериной яростью. Он застыл, всё тело было напряжено до предела, источая нескрываемую угрозу.

— Что здесь происходит? — тихо спросил Цзянь Хуай, присаживаясь у стола.

Цзяи тяжело дышал. Понадобилось несколько мгновений, прежде чем он смог обуздать ярость и вернуть лицу относительное спокойствие. Сжав губы, он хрипло приказал подчиненным:

— Вон.

Цзянь Хуай заметил, что у одного из уходивших была разбита губа; его фигура показалась ему знакомой — именно этот человек следил за ним на улице. Стало ясно: Цзяи был в бешенстве из-за того, что ищейки потеряли след.

Стоило дверям закрыться, как Цзяи в два счета оказался рядом. Он рывком схватил Цзянь Хуая за талию и вжал в себя. Его тяжелое, горячее дыхание обжигало кожу, заставляя Цзянь Хуая невольно вздрогнуть. Цзяи впился губами в его шею, прикусил кожу с такой жадностью, будто он хотел сожрать его целиком.

Он нахмурился и прищурился. Он положил руки на плечи Цзяи и, когда тот попытался поцеловать его в подбородок, он посмотрел с ледяной пронзительностью. Он резко вцепился пальцами в волосы Цзяи, рванул их на себя, а другой рукой нанес короткий, жесткий удар.

Цзяи мог уклониться. Но он намеренно принял удар на себя. Сплюнув кровь, он снова накрыл губы Цзянь Хуая своими, жадно сминая их. Он до боли стиснул его талию, вливая вкус собственной крови в этот яростный, исступленный поцелуй, пока обоим не стало не хватать воздуха.

В голове у Цзянь Хуая всё поплыло. Опомнился он уже сидя на коленях у Цзяи. Тот крепко

прижимал его к своей мощной груди.

— Снова приступ безумия? — едва отдышавшись, спросил Цзянь Хуай.

Цзяи уткнулся лицом в его шею, зарываясь носом в изгиб плеча. Его каштановые волосы щекотали кожу.

— Я думал, что потерял тебя... — пробормотал он, и в его приглушенном голосе, полном мрачной решимости, послышались нотки затаенной обиды.

Цзянь Хуай усмехнулся.

— Я всего лишь ходил купить табака.

Он достал сигарету и зажал её в губах. Похлопал Цзяи по колену, и тот послушно щелкнул зажигалкой.

— К чему эта смена одежды? — спросил Цзяи, не отрывая взгляда от его лица.

— Твои вещи из грубой ткани, — Цзянь Хуай выпустил кольцо дыма, — они натирают кожу, мне неудобно. А наряды Восточных Земель показались мне занятыми, вот и купил один.

В его словах не было и намека на кокетство, но воображение Цзяи мгновенно дорисовало остальное. Цзянь Хуай в лунно-белых одеждах, сидящий в его объятиях... Мужчина посмотрел на него, и его глаза вспыхнули неприкрытой похотью, потемнев до цвета глубокой хвои.

— М-м? — Цзянь Хуай вопросительно приподнял бровь.

Но это лишь подлило масла в огонь. Цзяи уже представлял, как это белое платье будет сползать с плеч, обнажая холодную, ослепительную красоту Цзянь Хуая.

— Псих... — Цзянь Хуай прижал горящий кончик сигареты к руке Цзяи, заставляя того хоть немного остыть.

Он высвободился из его рук и встал. Цзяи продолжал сидеть неподвижно, будто и не почувствовал боли, хотя плотское желание в нем и не думало угасать.

Цзянь Хуай внезапно улыбнулся, но смотрел с ледяной пронзительностью. Он сбросил туфли и принялся медленно обходить Цзяи кругом, ступая босыми ногами по ковру.

— Тяжело тебе? — с любопытством спросил он. Остановившись перед ним, он кончиками

пальцев ног коснулся колена Цзяи, чувствуя его напряжение, а затем с силой наступил сверху.

По лицу Цзяи скатилась капля пота. Он обхватил ладонью бледную ступню Цзянь Хуая, на которой отчетливо проступали тонкие вены. Жар его тела столкнулся с холодом кожи юноши. Одним резким движением он потянул его на себя, заставляя упасть в объятия, а затем перекинул через плечо и, словно добычу, понес к кровати.

Цзянь Хуай словно попал в эпицентр пожара. Он метался в беспомощности, издавая тихие, прерывистые стоны. Лампы в комнате тускло мерцали, а его пальцы судорожно впивались в иссеченную шрамами спину Цзяи.

***

«Кеннета приговорили к повешению».

Днем в тишине подземелья Алекс сказал это с пугающей легкостью. На его лице, так похожем на лицо Кеннета, застыла маска безразличия.

«Много лет назад Алекс умер. А теперь пришел черед и Кеннета. Если смерть — это финал, то какой смысл во всем этом?»

Он подошел к Цзянь Хуаю почти вплотную, склонившись к его лицу.

«Пока он был жив, он хотел защитить тебя. Так что молись, чтобы он продолжал дышать», — он смотрел с ледяной пронзительностью. — «Считай это самым добрым советом, который твой дядя может дать любимому племяннику».

— Он будет жить... — в забытьи шептал Цзянь Хуай под тяжелое дыхание Цзяи. — Если он умрет, то и игра должна закончиться...

Весь смысл этого существования заключался в их слепой вере, их отчаянной защите. Если ребенок теряет родителей, если одиночка лишается единственной любви, то ради чего идти дальше по этой беспросветной, выжженной болью тропе?

Сердце ныло так, будто его разрывали на части. Он не хотел даже думать об этой утрате, страшась тех чудовищных последствий, что она повлечет.

Тьма медленно поглощала его сознание. Сдавленный в крепких, властных объятиях, он проваливался в бесконечный кошмар. Он хотел, чтобы кто-то разбудил его... хотел открыть глаза и увидеть... Но что?

Цзянь Хуай тонул в вязкой трясине сна. Где-то далеко сверху еще слышались отголоски

детского смеха, нежный шепот и топот бегущих ног, но они становились всё тише, пока не растворились в абсолютном безмолвии.

<http://bllate.org/book/17462/1694115>